

«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

Ю. Н. Тимкин

Юрий Николаевич Тимкин, кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Вятский государственный университет. 610000, Киров, ул. Московская, 36. E-mail: timkin43@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются мероприятия курса «лицом к деревне», проводившиеся коммунистической партией в 1924–1926 годах, на примере Вятской губернии. Работа основывается на архивном материале Центрального государственного архива Кировской области. Рассмотрена деятельность комиссии по работе в деревне при Вятском губкоме партии; практические меры губкома по созданию беспартийного актива, привлечению крестьян в партию, укреплению низового советского звена. Обследование жизни и быта крестьян одной из волостей губернии, в частности хозяйств крестьян-коммунистов, позволяет заключить, что многие члены сельских и волостных партийных организаций мало чем отличались от так называемой «зажиточной верхушки деревни», были тесно связаны с ней. У молодых активных крестьян возникала хорошая перспектива, вступив в правящую партию, улучшить свой социальный статус, сделать карьеру. Практические мероприятия губкома были направлены на то, чтобы стимулировать вступление в партию бедняков и батраков, крестьян, прошедших службу в Красной армии, комсомольцев, активистов делегатских женских собраний, продвигая их на различные оплачиваемые должности в советском и партийном аппарате, кооперации. Автор пришел к выводу, что мероприятия курса позволили партийной элите начать организацию деревенской бедноты и батрачества, по сути, сконструировав «сельский пролетариат», расколоть деревню, приступить к «созданию» «класса» кулаков, превратив его в своего главного врага в деревне.

Ключевые слова: Вятская губерния, губком, комиссия, волостные организации РКП(б), коммунисты, крестьяне, бедняки, кулаки

DOI: 10.22394/2500-1809-2024-9-2-89-108

Несмотря на то что изучению политики коммунистической партии и государства по отношению к крестьянству в годы НЭПа посвящено большое количество научных работ, тема продолжает вызывать устойчивый интерес российских исследователей, что обусловлено, помимо прочего, множеством региональных особенностей в развитии нэповской деревни. Наша работа относится к истории Вятской губернии и охватывает лишь период 1924–1926 годов, когда политика по отношению к крестьянству осуществлялась под лозунгом «лицом к деревне».

В исследовании Ю. А. Яхутль курс «лицом к деревне» рассматривается как проявление компромисса власти и крестьян-

ства (Яхутль, 2023). В. Н. Бровкин, анализируя политику в годы НЭПа, оценивает курс «лицом к деревне» как «лицом к поражению», подчеркивая неприятие его деревней (Бровкин, 2002). В ряде работ различные аспекты политики по отношению к крестьянству анализируются на материалах регионов России. Так, в диссертационном исследовании И. В. Гончаровой речь идет о политике на материалах Центрально-Черноземной области (Гончарова, 2009). Г. Ф. Доброноженко детально изучила феномен кулака в социальной политике советского государства в годы НЭПа и первой половине 1930-х на материалах Северного края (Доброноженко, 2010). Л. Н. Лютов тщательно исследовал деятельность партийных организаций среднего Поволжья по организации групп бедноты в годы НЭПа (Лютов, 2013). С. А. Головин описал механизм восходящей социальной мобильности, когда многие молодые и энергичные рабочие и крестьяне, вступившие в партию, смогли занять ту или иную руководящую должность (Головин, 2008).

По Вятскому региону можно отметить лишь статью О. Н. Леконцева и монографию И. В. Чемоданова (Леконцев, 2015; Чемоданов, 2005). Наиболее основательно тему нэповской деревни рассмотрел Чемоданов, который, вслед за советскими историками, утверждает, что «зажиточная верхушка деревни» негативно влияла «на деятельность местных партийных, советских, кооперативных и общественных организаций», искажая финансово-кредитную политику советской власти. В результате «значительная часть средств, направляемых на укрепление бедняцко-средняцких хозяйств, концентрировалась в руках зажиточных слоев крестьянства» (Чемоданов, 2011: 116). Иначе говоря, виной всему являлась «зажиточная верхушка деревни», которая «срачивалась» с коррумпированными местными партийными и советскими руководителями (Чемоданов, 2011: 141). Работ, посвященных изучению мероприятий партии в рамках курса «лицом к деревне», в историографии Вятского края нет.

Мероприятия курса «лицом к деревне»

Вятская деревня в 1923–1924 годах с трудом начала выходить из тяжелейшего кризиса, в котором она оказалась во время Гражданской войны, политики «военного коммунизма», голода и засухи начала 1920-х. «Лицо» деревенских коммунистов и сельских ячеек накануне объявления курса выглядело совсем непривлекательно. В докладе губернского комитета инструктору ЦК РКП(б) Дмитрию Шорохову в 1923 году отмечалось, что среди крестьян «сильна тяга к восстановлению своего хозяйства»: крестьяне «бросают общественную работу, уходят в свое хозяйство и всеми мерами его под-

правляют»¹. Хозяйственное положение большинства деревенских коммунистов «тяжелое, хозяйства развалены, нет скота. Состав организаций — поголовно крестьянский, хотя изредка попадаются и кулаки»². Работа сельских ячеек «в большинстве (65%) неудовлетворительна, что обусловлено их малочисленностью, а также графической и политической неграмотностью членов». Секретарский состав ячеек «не выдерживает никакой критики»³.

Восстановление сельского хозяйства сопровождалось имущественным расслоением, появлением зажиточных и бедноты, а также ростом активности крестьянства, в особенности подрастающего поколения. Для большевистской элиты этот процесс таил чрезвычайную опасность — возрождение буржуазии, так что малейшие признаки имущественного расслоения крестьянства в партии рассматривались, прежде всего, через эту призму. Поэтому возросшую активность крестьянства решено было направить на укрепление позиций партии в деревне. И. В. Сталин в речи на совещании секретарей деревенских ячеек при ЦК РКП(б) 22 октября 1924 года выдвинул основную задачу: «...Создать многочисленный беспартийный актив из крестьян..., могущий соединить партию с десятками миллионов трудящихся крестьян» (Сталин, 1947: 305–306).

XIII съезд РКП(б) в мае 1924 года наметил целый ряд задач в области улучшения партийной работы в деревне. Особое внимание обращалось на «реорганизацию и улучшение советского низового аппарата», «улучшение работы сельсоветов и волисполкомов на основе вводимого волостного бюджета»⁴. Съезд признал наличие расслоения в деревне, отметив, что в сельском хозяйстве намечаются две тенденции: капиталистическая, когда «на одном полюсе накапливается капитал, а на другом — наемный труд, нищета. Другая линия развития — через наиболее понятные, легкие и доступные крестьянству приемы кооперации — к социализму»⁵.

Летом 1924 года при ЦК РКП(б) была образована комиссия, на которой обсуждались вопросы развития деревни, классового расслоения, разрабатывались меры по усилению партийной работы среди крестьян, развитию кооперации. Октябрьский пленум ЦК 1924 года принял резолюцию, в которой были определены формы и методы партийной работы в деревне, получившие наименование «лицом к деревне». Губернскому комитету пришлось приложить немало усилий, чтобы разъяснить партийцам установки пленума и потребовать выполнения его решений. В секретном циркуляре губкома 26 ноября 1925 года отмечалось, что в губком начинают по-

1. Центральный государственный архив Кировской области (далее — ЦГАКО). Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 2 об., 3.
2. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 3.
3. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 428. Л. 3.
4. Тринадцатый съезд РКП(б). Стенографический отчет. М., 1963. С. 641, 643.
5. Там же. С. 634.

ступать сведения о невыполнении директив пленума. В особенности это заметно в работе по перевыборам Советов, когда «некоторые уисполкомы предварительно определяют персональный состав председателей волисполкомов. Причем выдвигаемые кандидатуры не согласуются с партячейками и волкомпартами, а беспартийной части в составе председателей волисполкомов не отводится ни одного места»⁶. Губком категорически потребовал от укомов не допустить «никакого административного давления со стороны партии на выборщиков»⁷.

Для выяснения состояния партийной работы в деревне губком организовал в декабре 1924 года проведение I губернского совещания, на котором обсуждался большой круг вопросов: от очередных задач партии, состояния низового советского аппарата и докладов с мест до состояния работы с различными группами сельского населения. Во главу угла был поставлен вопрос о расслоении в деревне⁸, на которое правящая партия в середине 1920-х годов обратила самое пристальное внимание. Согласно марксистской теории, крестьянство в условиях рыночной экономики расслаивается на буржуазию и пролетариат. Это положение обусловило стремление теоретиков партии к конструированию, по выражению П. Бурдые, «класса на бумаге», или «возможного класса» (Бурдые, 1993: 59–60). Речь шла о конструировании класса сельской буржуазии, что предполагало внимательное ознакомление с процессами расслоения, идущими в деревне и их тщательный партийный анализ. Ведь нужно было выделить те признаки хозяйства крестьян, которые позволят вычлениить из крестьянства сельских кулаков-мироедов, эксплуататоров труда бедноты и батрачества. Как показала И. В. Гончарова, если «в середине 20-х гг. при определении признаков кулака определяющими были социально-экономические критерии, то в конце 20-х — социально-политические» (Гончарова, 2009: 362). Проблема выделения «кулаков» была «составной частью политики социального раскола деревни и фаворизации бедноты, проводимой властью в конце 1920-х гг. Она готовила почву для раскулачивания и коллективизации» (Там же). В партии не было единого понимания категории кулака, не было и единых указаний на сей счет. По выражению Г. Ф. Доброноженко, партийные работники при определении той или иной социальной группы крестьян полагались на интуицию (Доброноженко, 2010: 28).

6. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 82. Уисполкомы — уездные исполнительные комитеты Советов, уики; волкомпарты — волостные комитеты партии, волкомы.

7. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 3. Л. 83.

8. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 4.

До середины 1920-х годов партию мало интересовали процессы, которые происходили в деревне. Ситуация изменилась после объявления курса «лицом к деревне» и местным партийным органам пришлось заняться этой темой. Несмотря на то что губерния являлась крестьянской, руководящие органы партии состояли преимущественно из рабочих, поэтому они практически не представляли жизнь деревни. 8 октября 1924 года губком постановил создать «Комиссию по обследованию настроения и быта деревни» (далее — комиссия по обследованию) в составе представителей губисполкома, губкома партии, губернского земельного управления, с участием специалистов статистического бюро, управления финансов, народного образования и кооперации⁹. Руководитель комиссии Василий Попцов в качестве объекта обследования выбрал Кикнурскую волость Яранского уезда, обосновывая свой выбор «целесообразностью»¹⁰. Комиссия работала в волости с 9 декабря 1924 по 28 января 1925 года и обследовала 881 крестьянский двор, что составило 9% всех дворов волости¹¹.

Один из главных вопросов, на который комиссия должна была найти ответ, — расслоение деревни и его природа. Для выявления кулака комиссия руководствовалась критериями, предложенными ЦК партии: «Внешние признаки зажиточности крестьянского двора: посевность, скотность и сельхозинвентарь ни в коем случае не могут являться исчерпывающими признаками для определения кулацкой группы деревни. Но если накопление происходило за счет нетрудовых доходов хозяйства, как то: торговля, наем рабочих, сдача в аренду средств производства и т.д., то это будет верным показателем определения кулака»¹².

Изучая расслоение в деревне, член комиссии Сидоров сообщал 16 января 1925 года в письме членам губкома: «В деревне расслоение есть: видно по имущественному неравенству, роли и влиянию в ней более зажиточных крестьян...»; при этом основная масса деревни — крестьяне-середняки¹³. О расслоении в деревне сообщалось и в сводке крестьянских писем, присланных в редакцию «Вятской деревни», составленной в конце января 1926 года¹⁴. Однако материалы обследования сельских ячеек не позволяли создать однозначную картину. В Уржумском уезде, по данным укома партии, «ярко выраженного расслоения в деревне еще нет»¹⁵. В Ко-

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

9. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 762. Л. 20.

10. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 38.

11. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 134.

12. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 71.

13. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 148.

14. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 51.

15. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 165.

тельничском уезде «расслоение в деревне есть, его начали изучать, но к созданию групп бедноты пока не приступили»¹⁶. В Вятском уезде «вопросами изучения расслоения деревни пока не занимались»¹⁷. В конце 1924 года в письме в комиссию по обследованию секретарям сельских ячеек предлагалось присылать сведения о расслоении деревни, так как этот вопрос в рамках губернии остается «не выявленным»¹⁸.

На II губернском совещании партработников по работе в деревне, состоявшемся 10–16 октября 1925 года, руководство губкома пыталось привлечь внимание участников к вопросу о расслоении в деревне. Ответственный секретарь губкома Дмитрий Булатов был вынужден заявить, что выступающие в прениях по докладу Григория Кровицкого о работе в деревне «меньше всего» уделяли внимания расслоению в деревне. И нашел этому объяснение в том, что «нет еще определенных форм расслоения», и беднота «часто идет вместе с кулаками — почему, надо изучать»¹⁹. Его поддержал заведующий орготделом Котельничского уезда Семен Шабалин: «Расслоение в деревне есть, но оно нам, деревенским работникам на местах, не так заметно. В деревне бедноту и безлошадных крестьян называют лодырями»²⁰. Кровицкий в заключительном слове заявил, что «процесс проявления классовой обостренности в Вятской губернии незначителен», поэтому «организация групп бедноты... пока преждевременна»²¹. Совещание рекомендовало партработникам повсеместно заняться изучением расслоения деревни.

Комиссия по обследованию деревни сыграла важную роль в изучении крестьянства, его быта и повседневности. Председатель комиссии Василий Попцов в письме председателю губисполкома Василию Панфилову 20 декабря 1924 года писал: «Мы все в Вятке очень плохо знаем жизнь в деревне, то же можно сказать об уездных товарищах, даже наших волостных работниках. Партия в толщу крестьян не проникла, а погрузилась в бумагу»²².

В то же время комиссия была вынуждена отвлекаться на агитационно-пропагандистскую работу, так как крестьяне часто мало что знали о политике, проводимой большевиками. Кроме того, членам комиссии приходилось тратить много времени и сил на рассмотрение конкретных вопросов, нужд, волновавших крестьян. Отсюда был сделан вывод о том, что волостная ячейка со своими обязанностями не справляется. Так, беседа с секретарем волостной ячейки, народным судьей Бахмутовым показала, что «партийная работа

16. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 167.

17. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 13.

18. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 766. Л. 4.

19. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 13.

20. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 15.

21. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 20.

22. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 11.

не ведется нигде»²³. Волостная организация «видит деревню только официально при исполнении служебных обязанностей»²⁴. Показательна в этой связи реакция сотрудников Кикнурского волысполкома, на собрании которых 13 декабря 1924 года выступили члены комиссии. Члены волысполкома «не проронили ни звука — ответственный секретарь ячейки партии, налоговый инспектор, секретарь и члены волысполкома»²⁵. Они со всем соглашались и ждали указаний. Здесь перед нами предстает образ коммуниста, руководителя низового советского звена, который «ценит лояльность, послушание, строгий порядок и простые решения, которые можно увидеть и потрогать» (Шанин, 1995: 96).

Работа комиссии по обследованию собрала гигантский статистический материал, который везли на многих подводах. Однако изучить его и использовать в партийной работе так и не смогли. Анализ докладов, которые были представлены на рассмотрение губкома, свидетельствует, что они не приблизили руководство к пониманию расслоения в деревне. Материал, собранный комиссией, мог вызвать у думающего партийца и тревожный вопрос: если следовать логике определения кулака, то в эту категорию могли попасть не только крестьяне-середняки и бедняки, но и крестьяне-коммунисты.

Обследование жизни деревенских коммунистов

В рамках деятельности комиссии по обследованию проводилась работа и по изучению жизни деревенских коммунистов. В ее основу была положена «Рабочая программа», рекомендованная ЦКК партии под грифом «секретно». Актуальность обследования обосновывалась тем, что некоторыми парторганизациями страны «экономически-окрепшие хозяйства деревенских коммунистов стали рассматриваться как хозяйственно-обросший элемент, приравнивая его к кулакам, что явно нарушало линию партии в деревне»²⁶. ЦКК поставила задачу «серьезного и детального изучения вопроса о социальном составе деревенских ячеек...»²⁷.

Весной 1925 года губкомом было организовано выборочное обследование хозяйств деревенских коммунистов. В «каждом уезде было взято в среднем по 30 хозяйств коммунистов, всего — 251 хозяйство, что составляло 16,6% всех крестьян-коммунистов губернии»²⁸. Укомы командировали в типичные районы уезда ответственных работников, которые выявляли хозяйства коммуни-

23. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 5.

24. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 176. Л. 6.

25. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 177. Л. 142.

26. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 32.

27. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 32.

28. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 1.

стов, обследовали и заполняли подробную анкету. Далее анкета шла на рассмотрение и утверждение секретаря волостного комитета, который «на основе лично приобретенных сведений давал подробную характеристику опрашиваемого»²⁹.

Состав обследованных крестьян-коммунистов характеризуется следующими данными. Это была преимущественно молодежь до 25 лет — 76,8%, участвовавшая в общественной работе — 81,3%, служившая в армии — 64,5%, имеющая небольшой партийный стаж. Из них членов партии — 30,1%, кандидатов — 69,9%. Коммунисты — главы семейств, как правило, были грамотными, чего нельзя было сказать о членах их семей. В целом же преобладали малограмотные крестьяне, получившие лишь низшее образование — 97%. Для «многих партийцев чтение газет и книг являлось весьма обременительным». Так, на вопрос, какую несете партийную нагрузку, некоторые отвечали: никакой, кроме «задания читать газеты»³⁰. До 60% обследованных коммунистов имели «разного рода партийную нагрузку, причем у 50%, по их заявлениям, она негативно отражается на ведении хозяйства»³¹. 65,3% опрошенных проявили инициативу в организации какого-либо общественно-полезного дела³².

Материальное положение деревенских коммунистов

Инициаторы обследования разделили хозяйства коммунистов на три группы: беднота, середняки и зажиточные (экономически окрепшие). К первой группе отнесли тех, у кого не было ни лошади, ни коров, а земли было до 2 десятин, ко второй — 1 лошадь, 1–2 коровы и земли от 2 до 8 дес., к третьей — с более высокими показателями³³. Обследование показало, что семьи коммунистов более многочисленны, чем остальных крестьян, что являлось серьезным стимулом для них более активно искать средства к пропитанию семьи. Домохозяева расширяли свое хозяйство, в нем становилось больше домашних животных и инвентаря. Обследование установило, что хозяйство коммунистов «более сильное, чем у других крестьян», в нем больше и лошадей, и коров³⁴.

29. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 1.

30. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 4.

31. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 10.

32. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 11–12.

33. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 12–14.

34. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 168.

Анализ обеспеченности хозяйств коммунистов показал, что «главную массу составляют середняки, имеющие от 2 до 8 десятин земли (60%), 1 лошадь (72,5%) и 1–2 коровы (76,5%)»³⁵. Доля бедноты среди коммунистов меньше, чем в среднем среди крестьян. В то же время доля экономически окрепших хозяйств (зажиточных) — выше, чем в основной массе крестьянства. Заведующий орготделом губкома партии Григорий Кровицкий, проанализировавший эти факты, предлагал при приеме в партию проводить «более тщательный отбор... и принимать, прежде всего, беднейших крестьян»³⁶. Вместе с тем он отмечал, что опасную для партийцев тенденцию увеличения в партии доли материально более обеспеченных крестьян не следует преувеличивать.

При вступлении в партию материальное положение 27 коммунистов улучшилось³⁷. Данный факт ускользнул от внимания автора доклада, а ведь он как раз и свидетельствует о проявлении вертикальной мобильности: вступил в партию — назначили или выбрали на оплачиваемую должность! По заключению Кровицкого, накопление материальных ценностей в хозяйствах членов партии происходит «как за счет реализации сельскохозяйственной продукции, так и путем побочных заработков, общественной работы, кустарных отхожих промыслов»³⁸.

Связь материального роста с видами деятельности крестьян-коммунистов показана в таблице 1.

Таблица 1. Группы крестьянского населения и способы получения доходов, %

Группы по лошадности	Имеют излишки с/х продукции	Имеют побочный заработок	Занимают выборные должности
Безлошадные	20,4	70,4	70,4
1 лошадь	37,3	29,1	88,4
2 лошади	47,8	73,9	69,5
4 лошади	100,0	2,0	50,0

Источник: ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

Анализ позволяет заключить, что в «окрепших» хозяйствах накопление шло за счет реализации продуктов своего хозяйства, поэтому главы таких хозяйств меньше занимают выборных должностей и имеют меньше источников заработка. «Окрепшим» коммунистам некогда заниматься не только выборной советской, но и внутрипартийной работой: они заняты хозяйственной дея-

35. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 13–14.

36. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 14.

37. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

38. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 18.

тельностью, их хозяйство приобретает черты фермерского типа. Ответы некоторых крестьян-коммунистов вполне соответствовали ментальности участников рыночных отношений: «...сбываю тогда, когда выгодно и где больше дают денег»³⁹. В таких хозяйствах появляется наемный труд, правда, главным образом во время полевых работ.

Совершенно иная ситуация в бедняцких хозяйствах, в которых «приток ценностей шел главным образом в виде заработков от выборных должностей». Примечательно, что из 149 чел., имеющих побочные заработки, 79 занимали различные выборные оплачиваемые должности. Из них 25 чел. зарабатывали в год от 100 до 200 руб., 22 — от 200–300 руб. и 24 — по 300 руб. и выше⁴⁰. Для сравнения, заработная плата сельского учителя в начале 1926 года равнялась 30 руб. в месяц⁴¹. По словам С. А. Головина, такой доход «радикально менял всю экономическую структуру хозяйства коммуниста», так как это равнозначно наличию дополнительно 6–7 десятин земли (Головин, 2008: 40). На стремление сельских крестьян-коммунистов использовать административные должности для получения дополнительного заработка указала и И. В. Гончарова (Гончарова, 2009: 356–357).

Большинство хозяйств коммунистов имели «весьма ничтожные достижения по сравнению со средним крестьянским хозяйством, причем у беднейшей части членов партии дело обстоит даже хуже. Лишь у более зажиточных коммунистов обработка земли велась лучше, чем в других крестьянских хозяйствах»⁴². В целом некоторый подъем хозяйств крестьян-коммунистов «не может серьезно влиять на окружающее крестьянство и быть примером для всей деревни»⁴³.

Особо было обращено внимание на отношение коммунистов к коллективным формам ведения хозяйства. 45,4% хозяйств-коммунистов «делали попытки перехода к улучшенным формам землепользования», в «большинстве же случаев такие попытки закончились безрезультатно ввиду нежелания крестьянского населения»⁴⁴. Об отношении крестьян-коммунистов к формам землепользования свидетельствуют данные таблицы 2.

39. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 19.

40. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 19.

41. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 60.

42. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 21.

43. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

44. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

	Наиболее желательная форма землепользования				Доля коммунистов, которые делали попытки перехода к улучшенным формам
	общинная	хуторская	отрубная	коллективная	
Безлошадные, %	22,7	4,5	-	63,5	31,7
1 лошадь, %	21,4	6,0	4,3	58,2	47,2
2 лошади, %	21,3	8,7	16,3	52,1	13,0
Суммарно, человек	54	15	12	143	
Суммарно, %	23,6	6,6	5,2	64,6	45,4

Источник: ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 22.

Из таблицы также следует, что для 35,4% крестьян-коммунистов желательными были формы землепользования, которые партия не приветствовала. В частности, 11,8% коммунистов мечтали о хуторах и отрубях, что явно противоречило аграрной программе большевиков. Примечателен ответ котельничского крестьянина-коммуниста З.: «...наиболее желательная форма — хуторская, позволяющая проводить такие улучшения в своем хозяйстве, какие захотел. Удобство этой формы видел в Германии» (когда, вероятно, был в плену)⁴⁵. При обследовании это хозяйство было отнесено к разряду выше среднего. Подобные настроения характерны для крестьян, имевших двух и более лошадей. В то же время свыше 80% крестьян-коммунистов вполне разделяли коммунистический идеал, что говорит не столько об эффективности идеологической работы партии, сколько о народном утопическом представлении о «совершенном общественном устройстве», включавшем «идеалы свободы, братства, равенства, коллективизма, справедливости и создававшим почву для взаимной интеграции народных наивно-социалистических воззрений и социалистической идеологии» (Шагинян, 2006: 14).

Анализ отношения крестьян-коммунистов к коллективным формам хозяйства возмутил Кровицкого, который призвал губком принять меры «к устранению подобных некоммунистических стремлений», «всякие “хуторские” настроения отдельных коммунистов должны быть изжиты»; члены партии, имеющие свое хозяйство, должны вести работу по вовлечению бедняцких хозяйств в коллективные формы хозяйствования⁴⁶. Был ли подкреплен призыв кон-

45. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 23.

46. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 171. Л. 24.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

кретными мероприятиями — сказать трудно, однако настроения мало изменились и в 1926 году. Так, в информационном отчете губернского Дома крестьянина за январь отмечалось, что со стороны «передовых крестьян замечается стремление выхода на отруба...»⁴⁷.

Между тем Кровицкий не мог не знать о состоянии коллективных хозяйств губернии, возникших в 1918–1920 годах. В октябре-декабре 1925 года губком инициировал обследование коллективных хозяйств, и 12 февраля 1926 года комиссия по работе в деревне⁴⁸ при губкоме заслушала доклад Даниловича, в котором сообщалось о его результатах. Общий итог: «Народившиеся с 1918 г. коллективные хозяйства оказались нежизнеспособными и распались». Из 452 коллективов выжил только 51, или 11,3%: артелей — 39, коммун — 11⁴⁹. В докладе подробно анализировались «живые» коллективы, и автор пытался выяснить причины их жизнеспособности. Примечательно, что «в большинстве коллективных хозяйств процветала бесхозяйственность», «обобществление земли даже в артелях полностью не было проведено»⁵⁰. Да это и не удивительно, так как коллективы действовали на основе уставов 1919 года, в которых распределение осуществлялось по принципу: «от каждого — по способности, каждому — по потребности». Но больше всего Кровицкого возмутило в организации коллективов то, что они активно прибегали к наемному труду⁵¹. Члены артелей и коммун, будучи часто коммунистами, комсомольцами, беспартийным активом, значительную часть времени уделяли общественной работе. Времени же на хозяйственную деятельность не оставалось, да и она, вероятно, тяготила их, поэтому приходилось прибегать к найму рабочей силы. К найму прибегали и бедняки-коммунисты, особенно те, кто привлекался к общественной работе.

В выводах Комиссии по работе в деревне подчеркивалось «огромное хозяйственное и культурное значение» коллективных хозяйств, но ничего не было сказано о том, как ликвидировать те недостатки, о которых шла речь. Не было ответа и на вопрос: почему одни коллективы выжили, а другие нет. Отметим тот факт, что среди сохранившихся коллективов было немало хозяйств семейного типа, однако и на это не было обращено внимания (Донченко, 2007: 15–19). Обследование хозяйства и деятельности сельских коммунистов порождало много вопросов. Так, не понятно, как отличить в конкретных условиях той или иной деревни экономически-окрепшие и хозяйственно-обросшие хозяйства деревенских коммунистов? Если хозяйство окрепло за счет своего труда, членов

47. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 49 об.

48. Комиссию по работе в деревне при губкоме, созданную в начале 1924 года, не следует путать с комиссией по обследованию.

49. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 63.

50. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 64–65.

51. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 64.

своей семьи и получением зарплаты от советской, партийной и общественной работы, то для члена партии это было, вероятно, вполне приемлемо. Не ясно, что делать с тягой крестьян-коммунистов на хутора и отруба? Ведь коллективные хозяйства, существовавшие в то время, явно крестьян не привлекали. Хозяйства коммунистов были в целом более развиты, но они не являлись для остальных образцом для подражания.

Мероприятия губкома по работе в деревне: политическое просвещение, «оживление» Советов, организация бедноты

Некоторые итоги выполнения курса «лицом к деревне» были подведены на II губернском совещании партработников по работе в деревне, состоявшемся 10–16 октября 1925 года. С 1 января по 1 сентября 1925 года сеть сельских парторганизаций расширилась: волкомов — с 29 до 50, сельских ячеек — со 115 до 181, создано 30 кандидатских групп. В итоге доля сельских организаций по отношению к числу сельских советов возросла до 23%. Численность деревенских коммунистов составила 2,414 тыс. чел., или 37,7% от общего числа коммунистов губернии⁵². Изменилось и качество руководителей сельских ячеек. 46% секретарей — работники уездного масштаба, 35% — волостного и лишь 10% — рядовые. Всего в деревню было командировано 568 работников⁵³. Через различные курсы подготовки прошло 532 чел., из них 296 партийцев и 127 комсомольцев. Комсомольские организации на селе насчитывали 8991 чел., или 64,5% всей организации. Число женщин-коммунисток на селе увеличилось с 49 до 207 чел.⁵⁴.

В 1926 году был взят курс на создание волостных комитетов партии в каждой волости. Причем при рассмотрении сметы на год губком на заседании 28 января 1926 года просил увеличить ставку секретарей волкомов до 60 руб.⁵⁵. Основными формами партийной работы были признаны обследование, вызовы для отчета, проверки. Ячейки в «целом здоровы, но в их работе есть ряд недочетов». Главная проблема — «понимание новой политики партии в деревне далось нашим ячейкам с большим трудом», у них отсутствует «умение практически воплощать в жизнь» новые формы и методы, «слабая связь с беспартийными массами: некоторые ячейки не проводят открытых собраний, не выезжают в деревню. Повестка дня часто страдает отвлеченностью, мало прорабатывается свой, местный материал»⁵⁶. Секретарей волкомов «уравнивали в окладах с председате-

52. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 3–4.

53. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 4.

54. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 5.

55. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 34. Л. 29.

56. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 6.

лями волисполкомов», выделив им в помощь платных технических работников. Секретарям же сельских ячеек «мы сможем оказывать лишь некоторое пособие, без постоянного оклада. Наша цель — иметь секретаря ячейки, связанного со своим хозяйством и постоянно работающего в нем»⁵⁷.

На II губернском совещании партработников по работе в деревне было рекомендовано повсеместно «закрепить на работе на более продолжительный срок» секретарей волкомов и сельских ячеек⁵⁸. Прием в партию проводить, прежде всего, «крестьян-бедняков, батраков, представителей национальных меньшинств, активных комсомольцев и крестьянок». Содержалось также предписание, что крестьяне-выдвиженцы «не должны отрываться от сохи»⁵⁹. В резолюции предлагалось «созвать при волкомах и ячейках специальные совещания крестьян-коммунистов, на которых обсуждать доклады об их работе и постановке агрономических вопросов».

Необходимым условием расширения влияния партии в деревне и формирования актива становилось политическое просвещение крестьянства. На I губернском совещании по работе в деревне было принято решение о реорганизации всей системы политико-просветительной работы. В центре ее должен стать волостной организатор, член ячейки партии. Он руководил двумя избами-читальнями и одной библиотекой, которые финансировались из государственного бюджета. Волостному организатору выплачивалась зарплата в сумме 120 руб. в год и дополнительно 10 руб. в месяц «за совмещение должности избача»⁶⁰. Секретарю волостной ячейки в качестве исключения разрешалось совмещать свою должность с избачом.

Еще в 1924 году в губернии было создано 15 школ-передвижек для ведения просветительной работы в деревне. По решению ЦК партии в 1925 году в школах-передвижках должно быть «втянуто не менее 50% партийцев и от 25 до 30% комсомольцев». Осенью 1925 года в губернии насчитывалось 45 передвижек, на содержание которых губком выделил 64 тыс. руб.⁶¹. Активизации работы изб-читален губком уделял повышенное внимание. 12 февраля 1926 года на заседании комиссии по работе в деревне был заслушан доклад Пестова о политико-просветительной работе в деревне, в том числе и о деятельности изб-читален. Рекомендовалось осуществить качественный подбор избачей, полагая, что зарплата избача — 30 рублей в месяц — вполне приличная в деревне и может заинтересовать сельских активистов-бедняков⁶². Уже осенью 1925 года в губернии

57. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 7.

58. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 77.

59. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 78.

60. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 23.

61. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 63.

62. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 60–62.

насчитывалась 71 изба-читальня, а бюджет каждой из них составлял 700 руб. в год⁶³.

Политическое просвещение носило идеологический характер, лекторы имели довольно низкий уровень не только общей грамотности, но и знания марксизма. К тому же основы марксизма усваивались малограмотными беспартийными активистами некритически, на веру. Деление крестьянства на кулаков, середняков и бедняков воспринималось как не подлежащая сомнению догма.

Одной из действенных форм работы по выявлению и формированию лояльной власти беспартийного актива стало вовлечение крестьянства в работу советских учреждений. Для этого нужно было «оживить советский аппарат», расширить полномочия местных Советов, обеспечить большую свободу волеизъявления на выборах. В свою очередь, выборная кампания, проведенная без административного нажима, привела к подъему активности крестьянского населения. При сельсоветах предполагалось создать ревизионные комиссии, избрав в них «честных крестьян». Комиссии призваны проверять работу Советов. В члены волисполкомов и уисполкомов «нужно проводить беспартийных крестьян, которые лучше сойдутся с мужиками. Мужик поймет и увидит, что власть защищает трудовое крестьянство»⁶⁴. В 1925 году волисполкомы получили свой бюджет. Отныне от эффективности их работы зависело решение многих насущных задач в деревне. Волисполком призван стать «хозяином волости, знать экономическое состояние», «хозяйство каждой деревни и села должно быть на учете»⁶⁵. Чтобы председатель и секретарь волисполкома не попали под влияние кулачества, постановлением губисполкома с 1 января 1925 года было улучшено их материальное положение⁶⁶. Социальный состав низового уровня власти характеризовался, по наблюдению С. А. Ефимовой, «преобладанием середняков среди председателей сельсоветов, где они составляли 82,9%. Источники отмечают, что до 1925 года эту должность распределяли по дворам в качестве круговой поруки вследствие мизерности заработной платы» (Ефимова, 2007: 19).

Начало проведения политики «фаворизации бедноты» (выражение И. В. Гончаровой) восходит к 1924–1926 годам. При ее реализации возникла серьезная проблема: организация деревенской бедноты и батрачества, сплочение их вокруг сельских парторганизаций шли медленно. На I совещании по работе в деревне отмечалось, что, по словам секретаря ячейки Михайлова, «бедняки халатно относятся ко всем общественным собраниям. Трудно раскочать бедноту...»⁶⁷.

63. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 172. Л. 64.

64. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 55.

65. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 86.

66. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 87.

67. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 2. Д. 764. Л. 55.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

XIV съезд ВКП(б) в декабре 1925 года дал директиву о необходимости создания в деревне специальных групп бедноты. Губком в циркуляре в октябре 1926 года и XVII губернская партконференция (декабрь 1926 года) конкретизировали задачи по организации бедноты. На II Пленуме губкома в марте 1926 года секретарь губкома Дмитрий Булатов подчеркивал: «в работе по организации бедноты уездные парторганизации не справились, некоторые к этой работе еще не приступали»⁶⁸. В секретном циркуляре губкома (осень 1926 года) отмечалось, что «за единичными исключениями по волостям губернии группы бедноты совершенно не созданы»⁶⁹.

Летом–осенью 1926 года ситуация с организацией бедноты несколько улучшилась. На XVII губернской партконференции констатировалось, что в губернии создано 122 группы бедноты, правда, «нельзя уверенно сказать, что они существуют и работают»⁷⁰. Беднота рассчитывала на помощь со стороны партии и государства. Примечательно в этой связи одно из писем крестьянина Вятской волости редактору «Вятской деревни»: «Батюшка, идейный комиссар! Расследуй дело кулаков и помоги нам. Не выдавайте бедноту, ведь мы завоевали революцию своей кровью, а теперь опять попадаем в кабалу к кулакам. Давите кулаков-леших, а то революция погибнет!»⁷¹ Как выяснила Т. П. Миронова, проанализировавшая 400 писем крестьян в высшие органы власти, во второй половине 1920-х годов «среди основной массы бедноты, не желавшей больше ждать улучшения», было широко распространено желание установления «скорейшего социализма любыми путями и средствами, лишь бы изменить опостылевшую жизнь» (Миронова, 1998: 18).

Сплочению бедноты служила и идеологическая работа партии по созданию образа врага — кулака-мироода, от которого исходили все беды крестьян деревни. Здесь использовался и образный ряд острой политической сатиры, публицистические статьи и публикации авторитетных политиков. Именно И. В. Сталин стал сознательно использовать понятие «кулак» в качестве идеологемы для обозначения сельской буржуазии (Жорнев, 2006: 17), что стало активно применяться правящей партией в идеологической работе.

Итоги

Мероприятия курса «лицом к деревне» были направлены на привлечение активной середнячко-бедняцкой части крестьянства

68. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 7. Л. 4.

69. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 1. Л. 13.

70. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 4. Д. 3. Л. 14.

71. ЦГАКО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 173. Л. 51.

на сторону правящей партии, создание на их основе беспартийного актива и вовлечение его в партию. Молодых беспартийных активистов и партийцев проводили на различные должности в сельском и волостном советском и партийном аппарате, кооперации, должностные оклады которых постепенно возрастали. У молодых активных крестьян возникла хорошая перспектива, вступив в правящую партию, улучшить свой социальный статус, сделать карьеру. В этой связи вполне можно согласиться с выводом С. А. Головина, что «вступление крестьян в партию обуславливалось не партийно-идеологическими мотивами, а социально-экономическими стимулами» (Головин, 2008: 40). В партии понимали, что крестьянам были чужды идеологические построения марксизма, поэтому стимулировали вступление в партию бедняков и батраков, крестьян, прошедших службу в Красной армии, комсомольцев, активисток делегатских женских собраний, продвигая на различные оплачиваемые должности, убеждая, что их беды — от происков кулаков-мироедов, опутавших деревню паутиной своих «козней».

Проведенный анализ положения хозяйства сельских коммунистов позволяет заключить, что многие члены сельских и волостных партийных организаций, включавшие как середняков, так и бедняков, мало чем отличались от так называемой «зажиточной верхушки деревни», были тесно связаны с ней. В этой связи вывод И. В. Чемоданова о том, что «часто коррумпированные представители партийных и советских органов действовали заодно с кулачеством, ущемляя интересы основной бедняцко-средняцкой массы крестьянства» и тем самым способствовали «нейтрализации антикулацкой политики советского государства» (Чемоданов, 2011: 178), выглядит неубедительно. Автор сводит взаимодействие сельских советских и партийных работников и «кулаков» к коррупции, затушевывая тот факт, что руководители низового партийно-советского звена часто не считали их таковыми, не видели в них классового врага. Коррупция в данном случае была не причиной, а следствием политики большевиков, проводимой в деревне, в особенности налоговой, от которой страдали все крестьяне. Можно вполне согласиться с выводом В. Н. Бровкина, что крестьяне «старались не попасть в категорию кулаков... пытались избегать приобретать такие атрибуты, которые позволили бы большевикам заклеить их как кулаков» (Бровкин, 2002: 73). Крестьяне также стремились, используя неформальные связи с представителями власти, уменьшить налоговое бремя, что встречало понимание и в среде сельских коммунистов.

Мероприятия курса позволили партийной элите нащупать опору в деревне в лице бедноты и батрачества, по сути, сконструировав «сельский пролетариат», расколоть деревню, «создать» «класс» кулаков, превратив его в своего главного врага в деревне. И здесь большевики вполне удачно использовали архаиче-

Ю. Н. Тимкин

«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

ский культурный код, в основе которого лежало противопоставление «своих» и «чужих» (Яковенко, Музыкантский, 2011: 52–54). Неопределенность и размытость понятия «кулак» позволяли манипулировать общественным сознанием, причислять к этой категории всех противников своей политики в деревне. Последнее обстоятельство очень поможет большевикам во время проведения коллективизации и раскулачивания в 1930-е годы. Таким образом, если экономическая составляющая курса «лицом к деревне» оказалась кратковременной, не доведена до конца и вскоре пересмотрена, то политическая — позволила партии приступить к выработке того радикального курса, который стал проводиться в деревне в 1930-е годы.

Библиография

- Бровкин В. Н. (2002). Большевики и крестьянство России в 1921–1925 гг.: лицом к деревне, лицом к поражению // Россия в XX в.: история и историография: сборник научных статей. Екатеринбург: Издательство Уральского университета. С. 57–76.
- Бурдые П. (1993). Социология политики. М.
- Венер М. (1993). Лицом к деревне: советская власть и крестьянский вопрос (1924–1925 гг.) // Отечественная история. № 5. С. 86–107.
- Гончарова И. В. (2009). В поисках «образа кулака»: проблема изучения социальной структуры крестьянства в конце 1920-х гг. в Центральном Черноземье // Экономическая история. Ежегодник. 2009. М.: РОССПЭН. С. 347–373.
- Головин С. А. (2008). Членство в РКП(б) — ВКП(б) как основной путь повышения социального статуса (1920–1930-е гг.) // Вопросы истории. № 3. С. 33–43.
- Доброноженко Г. Ф. (2010). «Кулаки» в социальной политике государства в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. (на материалах Северного края). Автореф. диссертации... док. ист. наук (07.00.02). Архангельск: Поморского государственного университета имени М. В. Ломоносова.
- Донченко О. Н. (2007). Сибирское крестьянское семейное хозяйство: социально-экономическая эволюция в 1920–1930-х гг. // Омский научный вестник. № 3 (55). С. 15–19.
- Ефимова С. А. (2007). Владимирская деревня в 1920-е годы. Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). Владимир: Владимирский государственный педагогический университет.
- Корнев М. С. (2006). Идеологема «кулак» в советской пропаганде (на материалах газет «Правда» и «Известия»). Автореф. диссертации... канд. филол. наук (10.01.10). М.: Российский государственный гуманитарный университет.
- Леконцев О. Н. (2015). Численность кулачества во второй половине 1920-х годов: теория и практика (на материалах Вятской губернии и Вотской области) // Вестник Челябинского государственного университета. № 6 (361). История. Вып. 63. С. 65–71.
- Лютюв Л. Н. (2013). Средневолжская деревня на пути к «великому перелому» // Вопросы истории. № 3. С. 39–52.
- Миронова Т. П. (1998). Общественное сознание российского крестьянства в 20-е гг. XX века (по материалам европейской части России). Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский городской педагогический университет.
- Сталин И. В. (1947). Сочинения. Т. 6. М.: ОГИЗ — Государственное издательство политической литературы.
- Чемоданов И. В. (2005). Вятское крестьянство в период нэпа (1921–1929 гг.). Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). Киров: Вятский государственный университет.

- Чемоданов И. В. (2011). Вятское крестьянство в период нэпа (1921–1929 гг.). Киров.
- Шагинян В. В. (2006). Политическая идеология партии большевиков в массовом сознании населения европейской части России в 1921–1929 гг. Автореф. диссертации... канд. ист. наук (07.00.02). М.: Московский педагогический государственный университет.
- Шанин Т. (1995). Три смерти Александра Чаянова. Московский опыт: сентябрь 1987 // Социологический журнал. № 1. С. 92–109.
- Яковенко И. Г., Музыкантский А. И. (2011). Манихейство и гностицизм: культурные коды русской цивилизации. М.: Русский путь.
- Яхутль Ю. А. (2023). Курс «Лицом к деревне» — компромисс власти и доколхозного крестьянства // Современная научная мысль. № 3. С. 89–95.

Ю. Н. Тимкин
«Лицо деревни»: мероприятия Вятского губкома ВКП(б) по оживлению работы сельских и волостных организаций в 1924–1926 годах

“Face of the village”: Activities of the Vyatka Provincial Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) to revitalize rural and volost organizations in 1924–1926

Yuri N. Timkin, PhD (History), Associate Professor, Department of Theory and History of State and Law, Vyatka State University. Moskovskaya St., 36, Kirov, 610000, Russia.
E-mail: timkin43@mail.ru

Abstract. The author considers the *litsom k derevne* ('turning to the village') policy implemented by the ruling party in 1924–1926. The article is based on the materials of the Central State Archive of the Kirov Region and on the principles of historicism, objectivity and historical institutionalism. The author focuses on the activities of the commission for work in the village of the Vyatka Provincial Committee and its practical measures to create a non-party activist group, attract peasants and strengthen the lower Soviet level. The study of the peasant everyday life in one *volost* of the province, in particular of the communist peasants' farms, showed that many members of rural and *volost* party organizations were not much different from the so-called “well-off village elite” and were closely connected with it. By joining the ruling party, young active peasants got a good chance to improve their social status and make a career. The provincial committee aimed at encouraging poor peasants, hired farm workers, peasants who served in the Red Army, Komsomol members and activists of delegate women's meetings to join the party by promoting them to various paid positions in the Soviet and party apparatus and cooperation. The author argues that the *litsom k derevne* policy allowed the party elite to organize the rural poor and farm workers, thus, creating “rural proletariat”, splitting the village, and “making” a “class” of kulaks as its main enemy in the village.

Key words: Vyatka Province, provincial committee, commission, *volost* organizations of the RCP(B), communists, peasants, poor people, kulaks

References

- Bourdieu P. (1993) *Sotsiologiya politiki* [Sociology of Politics], Moscow.
- Brovkin V. N. (2002) *Bolsheviki i krest'yanstvo Rossii v 1921–1925 gg.: litsom k derevne, litsom k porazheniyu* [Bolsheviks and Russian peasantry in 1921–1925: turning to the village to face defeat]. *Rossiia v XX v.: istoriya i istoriografiya*, Ekaterinburg: Izd-vo Uralskogo universiteta, pp. 57–76.
- Chemodanov I. V. (2005) *Vyatskoe krest'yanstvo v period nepa (1921–1929 gg.)* [Vyatka Peasantry in the NEP Period (1921–1929)], Kirov: VyatGU.

- Dobronozhenko G. F. (2010) "Kulaki" v sotsialnoy politike gosudarstva v kontse 1920-h — pervoy polovine 1930-h gg. (na materialah Severnogo kraya) ["Kulaks" in the State Social Policy in the Late 1920s — the First Half of the 1930s (based on the materials from the Northern region)], Arkhangelsk: Pomor State University named after M. V. Lomonosov.
- Donchenko O. N. (2007) Sibirskoe krest'yanskoe semeynoe khozyaystvo: sotsialno-ekonomicheskaya evolyutsiya v 1920–1930 gg. [Siberian peasant family economy: Social-economic evolution in 1920–1930]. *Omsk Scientific Bulletin*, no 3, pp. 15–19.
- Efimova S. A. (2007) *Vladimirskaya derevnya v 1920-e gody* [Vladimir Village in the 1920s], Vladimir: VGPU.
- Golovin S. A. (2008) Chlenstvo v RKP (b) — VKP (b) kak osnovnoy put povysheniya sotsialno-go statusa (1920–1930-e gg.) [Membership in the RCP(b) — the All-Union Communist Party (Bolsheviks) as the main way to improve one's social status (1920–1930s)]. *Issues of History*, no 3, pp. 33–43.
- Goncharova I. V. (2009) V poiskah "obraza kulaka": problema izucheniya sotsialnoy struktury krest'yanstva v kontse 1920-h gg. v Tsentralnom Chernozemii [In search of the "image of the kulak": The study of the peasantry's social structure in the Central Black Earth Region in the late 1920s]. *Economic History*, Moscow: ROSSPEN, pp. 347–373.
- Kornev M. S. (2006) *Ideologema "kulak" v sovetskoj propagande (na materialah gazet "Pravda" i "Izvestiya")* ["Kulak" ideologeme in Soviet propaganda (based on materials of the newspapers Pravda and Izvestia)], Moscow: RGGU.
- Lekontsev O. N. (2015) Chislennost kulachestva vo vtoroy polovine 1920-h godov: teoriya i praktika (na materialah Vyatskoy gubernii i Votskoy oblasti) [The number of kulaks in the second half of the 1920s: Theory and practice (based on materials of the Vyatka Province and Votsk Region)]. *Bulletin of the Chelyabinsk State University. Series: History*, vol. 63, no 6, pp. 65–71.
- Lyutov L. N. (2013) Srednevolzhskaya derevnya na puti k "velikomuyu perelomu" [Middle Volga village on the way to the "great turn"]. *Issues of History*, no 3, pp. 39–52.
- Mironova T. P. (1998) *Obshchestvennoe soznanie rossiyskogo krest'yanstva v 20-e gg. XX veka (po materialam evropeyskoy chasti Rossii)* [Social Consciousness of the Russian Peasantry in the 1920s (based on materials from the European part of Russia)], Moscow: MGPU.
- Shaginyan V. V. (2006) *Politicheskaya ideologiya partii bolshevikov v massovom soznanii naseleniya evropeyskoy chasti Rossii v 1921–1929 gg.* [Political Ideology of the Bolshevik Party in the Mass Consciousness in the European Part of Russia in 1921–1929], Moscow: MPGU.
- Shanin T. (1995) Tri smerti Aleksandra Chayanova. Moskovskiy opyt: sentyabr 1987 [Three deaths of Alexander Chayanov. Moscow case in September 1987]. *Sociological Journal*, no 1, pp. 92–109.
- Stalin I. V. (1947) *Sochineniya* [Works], vol. 6, Moscow: OGIZ.
- Wehner M. (1993) Litsom k derevne: sovetskaya vlast i krest'yansky vopros (1924–1925 gg.) [Turning to the village: Soviet power and the peasant question (1924–1925)]. *Russian History*, no 5, pp. 86–107.
- Yakhuti Yu. A. (2023) Kurs "Litsom k derevne" — kompromiss vlasti i dokolkhoznogo krest'yanstva [The "turning to the village" policy as a compromise between the authorities and the pre-collective-farm peasantry]. *Contemporary Scientific Thought*, no 3, pp. 89–95.
- Yakovenko I. G., Muzykantsky A. I. (2011) *Manikheystvo i gnostitsizm: kulturnye kody russkoy tsivilizatsii* [Manichaeism and Gnosticism: Cultural Codes of the Russian Civilization], Moscow: Russky put.